

ELSEVIER

Available online at www.sciencedirect.com

ScienceDirect

Russian Literature 111–112 (2020) 1–34

Russian
Literature

www.elsevier.com/locate/ruslit

“ПОПУЛЯРНЫЙ” ДОСТОЕВСКИЙ: НАЧАЛО
МАССОВОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ, 1881-1906
(“POPULAR” DOSTOEVSKII: THE BEGINNINGS OF THE MASS
CIRCULATION OF HIS LITERARY HERITAGE, 1881-1906)

РАФФАЭЛЛА ВАССЕНА
(RAFFAELLA VASSENA)

raffaella.vassena@unimi.it
Università degli studi di Milano

Abstract

This paper provides the first detailed description of the initial phases of the wider circulation of Dostoevsky’s works, in the context of the enlargement of the reading audience and of the development of the book publishing industry in Russia at the turn of 19-20th centuries. Special attention is paid to A.G. Dostoevskiaia’s editions of the *Complete Works* and to the adapted editions of Dostoevskii’s works addressed to specific segments of the Russian public, such as children and peasants. Alongside with statistical data on the diffusion of Dostoevskii’s works in the last two decades of the 19th century, the paper touches upon two aspects: on the one hand, publishers and pedagogues’ efforts to adapt Dostoevsky’s texts to half-educated readers of lower-middle classes, and on the other, readers’ reactions to them. The paper includes a large number of quotations from memoirs and sociological reports that testify how the new publishing formats and mechanisms of distribution of Dostoevskii’s works informed their circulation and reception.

Keywords: *Russian Readers; Popularization of Classics; Mass Culture; Publishing Industry; Dostoevsky*

<https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.03.001>

0304-3479/© 2020 Elsevier B.V. All rights reserved.

В течение тридцати лет, отделивших выход дебютного романа Достоевского *Бедные люди* (1846) от появления окончательно закрепивших его репутацию *Братьев Карамазовых* (1879-1880), писатель не один раз имел возможность поразмыслить над проблемой читателя. Если в начале своей карьеры он относился к публике с подозрением (у нее “есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности”),¹ то после возвращения из Сибири особая установка на читателя становится фундаментальным элементом творческого метода писателя.² Разумеется, это не означает, что Достоевский писал лишь то, что нравилось публике: он находился выше ее интересов и занимался проблемами, которые волновали прежде всего его самого. Выражая лишь собственные убеждения и не потакая капризам публики и шантажу издателей, писатель, не колеблясь, ставил на карту свою профессиональную репутацию, много раз рискуя оказаться без средств. И все же завоевание Достоевским “символического капитала”³ нельзя рассматривать отдельно от того особого внимания, с которым он всегда относился к наиболее практическим сторонам писательского ремесла (об этом см. Тодд 2002). Как известно, решающее значение для укрепления литературной репутации Достоевского имела его встреча еще в 1866 году с будущей женой А. Г. Сниткиной, которая в 1872 году начала успешную издательскую деятельность, продлившуюся почти четыре десятилетия. С этого момента Достоевский почти полностью переложил на плечи супруги практически все заботы, связанные с продвижением и распространением своих произведений. Однако его собственный интерес к издательскому делу никогда не ослабевал; кроме того, безоговорочная поддержка, которую он оказывал жене, позволяет соотносить ее профессиональные решения (даже те, которые она вынуждена была принимать самостоятельно после смерти мужа) с общей концепцией литературной деятельности как “призвания” и издательского труда как средства, способного это призвание осуществить. Все это делает случай Достоевского интересным для изучения эволюции, которую претерпевает фигура литератора-издателя, и изменений, происходивших на русском литературном рынке во второй половине XIX в. В настоящей работе мы намерены сосредоточиться на последних двадцати годах этого столетия, когда повышение среднего уровня образования в результате реформ сопровождалось двумя явлениями, неразрывно связанными друг с другом: с одной стороны, увеличением средней и низовой читательских аудиторий, и, с другой, ростом объемов издательской продукции.⁴ Среди лубочной литературы, дидактических рассказов, патриотических брошюр и этико-религиозных книг появились дешевые издания классиков и текстов, адаптированных для разных категорий читателей. В частности, вопрос о книгах для народа и о читателе из народа стал центральным в сознании обра-

зованного класса, превратившего воспитание народа в самую настоящую миссию: растет число теоретических и эмпирических исследований и педагогических инициатив, обращенных к читателю из народа – фигуре сколь эмблематичной, столь и загадочной, часто сводимой к проекции вкусов и задач самих же авторов (Банк 1969: 45 и след.).

В подобном контексте история посмертных изданий Достоевского открывает неожиданные стороны в его наследии, к тому же отдельные ее подробности до сих пор лишь частично рассмотрены в научной литературе.

Если в 1870-е гг. имя Достоевского не привлекало особого внимания в зарождавшейся среде массового книгоиздания,⁵ то после его смерти издание его сочинений приобретает все более разнообразные формы: к аудитории Достоевского, до недавнего времени по большей части включавшей образованных читателей высокого и среднего сословий (дворяне, ученые и литераторы, учащиеся в университетах, помещики, крупное чиновничество, провинциальная интеллигенция),⁶ постепенно добавляются новые категории полуобразованных читателей (учащиеся в низших классах уездных училищ и гимназий, городские мелкие и средние чиновники, мещане, купцы, рабочие, грамотные крестьяне). Все это происходит, несомненно, благодаря усилиям жены писателя, поэтому до сих пор публикация произведений Достоевского в 1880-1890-е гг. рассматривалась прежде всего в контексте издательской деятельности А. Г. Достоевской, единственного владельца авторских прав вплоть до 1910 г.⁷ Тем не менее, она не была единственным популяризатором творений супруга, равно как хватало и издателей, которые, пусть и временно, но пользовались правами на публикацию. Совокупность издательских и коммерческих стратегий, использованных для распространения произведений Достоевского после его смерти, все еще требует дополнительных разысканий. Специального исследования, посвященного воздействию, которое новая издательская политика оказывала на восприятие писателя в России в последней трети XIX-нач. XX в., не существует. Произведения Достоевского в новом издательском обличье вышли за границы привычной схемы их дистрибуции, породив сложную гамму читательских эмоций и спровоцировав различные интерпретации, вплоть до случаев “творческой измены” (*creative treason*),⁸ которые ждут еще своего исследователя. В этой статье мы, с одной стороны, опишем основные фазы распространения текстов Достоевского в обновленной структуре русского издательского рынка с 1881 по 1906 г.,⁹ а с другой, проанализируем последствия всех попыток сделать из Достоевского “популярного”¹⁰ писателя.

В итоге мы продемонстрируем, что к началу XX века распространение произведений Достоевского за пределами их традиционного

издательского рынка изменяло не только их внешнее оформление, но и их семантический потенциал, порождая целый спектр реакций (цензуры, критики и публики), которые зачастую не совпадали ни с авторской интенцией, ни с ожиданиями педагога или издателя. Социальная среда последнего десятилетия XIX века и развитие новых технологий массового книгоиздания способствовали “ре-интерпретации” произведений Достоевского и изменению его репутации, обогатившейся несвойственными ему характеристиками “народного” и “детского” писателя. С одной стороны, эта ситуация изменила условия первоначального “договора” между Достоевским и его идеальным читателем, что порой вызывало смущение у образованной публики. С другой – она открыла новые пути для трансляции и трансформации смыслов, заложенных в произведениях писателя. Согласно теориям Р. Эскарпи, социальная реальность – это основной канал коммуникативного обмена между автором и его публикой, причем даже там, где наличие контакта между первым и второй, на первый взгляд, незаметно (1966: 44). Аналогичным образом, новый экономический и социальный контекст 1880-1890-х гг. делал возможным продолжение того диалога с российским обществом, который Достоевский начал вести в 1860-е и 1870-е гг. Распространение его произведений превысило ожидаемый спрос, но в то же время поставило его перед новыми рисками. За пределами своего “круга публики” (*milieu-public*) (Escarpi 1971: 77-78), *Weltanschauung* Достоевского оказался столь трудно постигаемым, что издатели и популяризаторы были вынуждены обрабатывать и комбинировать его тексты. Впрочем, описанное явление, призванное предотвратить потерю контроля над смыслами, на деле способствовало порождению неожиданных интерпретаций Достоевского новыми категориями читателей. Вопрос о том, влияли ли “творческие измены” как таковые на рецепцию Достоевского и на его место в иерархии литературных авторитетов в последующие годы, пока остается открытым.

Посмертные издания полных собраний сочинений Достоевского

Хотя смерть и настигла Достоевского в домашних стенах, она стала событием публичным, развернувшимся в присутствии не только его родных, но и всего общества.¹¹ В траурном шествии, которое 31 января 1881 г. сопровождало гроб с телом Достоевского к церкви Александро-Невской лавры, приняли участие тысячи человек: поток людей, текший по улицам города, хоровое пение студентов, рассуждения видных деятелей, хоругви и короны из цветов, как все это было так или иначе запечатлено в воспоминаниях современников и на рисунках непосред-

ственного свидетеля – литератора, композитора и беллетриста И. Ф. Тюменева.¹² Достоевский превратился в “звезду”:¹³ сотни человек пожертвовали на возведение посмертного памятника, и только в течение последующих за смертью недель в печати появилось более двухсот некрологов, воспоминаний, статей и стихотворений о нем. Шум, поднятый уходом Достоевского из жизни, разумеется, повлиял и на издательский рынок. А. С. Суворин так вспоминает об этих днях: “Многие плакали. [...] Удивительный тогда был этот подъем в Петербурге. Как раз это перед убийством Императора. Публика бросилась читать и покупать Достоевского. Точно смерть его открыла, а до того его не было” (2000: 351). Интерес публики к Достоевскому не прошел незамеченным, в том числе и А. Г. Достоевской, уже имевшей за плечами десятилетний опыт издательской деятельности:

Только что разнеслась по городу весть о кончине Федора Михайловича, как публика набросилась на его сочинения, и имевшийся запас наших изданий был раскуплен в первые же дни [...]. Кроме петербургских покупателей явились большие требования из Москвы и провинции, и книгопродавцы, из собственных выгод, настаивали на издании произведений Достоевского. (Достоевская 2015: 480-481)

Закрыв “Книжную торговлю Ф. М. Достоевского”, Достоевская снова отдала в печать отдельные произведения писателя, а несколько месяцев спустя взялась за исполнение своего “долга”¹⁴ – издания Полного собрания сочинений. Отказавшись от продажи литературных прав другим издателям, она получила кредит от В. М. Туганова, управляющего Торговым домом “А. И. Варгунин”, и в 1881 г. с разрешения опекуна ее детей, К. П. Победоносцева, взялась за дело. 14 томов первого издания печатались в типографии братьев Пантелеевых в 1882 и 1883 гг., тиражом 6200 экземпляров, и стоили 25 рублей (1 рубль и 78 копеек за том). Учитывая интерес к личности писателя, А. Г. Достоевская включила в первый том неизданные до тех пор письма и отрывки из записных книжек, а также *Материалы для жизнеописания* О. Ф. Миллера и *Воспоминания о Достоевском* Н. Н. Страхова (Достоевская 2015: 480-485).¹⁵ Помимо этого, тома выходили не по порядку, а начиная с шестого и седьмого, содержащих романы, наиболее любимые публикой – *Преступление и наказание* и *Идиот*. Успех превзошел все прогнозы, принеся Достоевской доход в семьдесят пять тысяч рублей и две тысячи пятьсот подписчиков (485-486).

Очертить достоверный портрет среднего читателя издаваемого Достоевской *Полного собрания сочинений* непросто, и тем не менее мы выдвинем ряд возможных предположений. Несмотря на то, что су-

ществовала возможность оплаты в рассрочку, высокая цена делала издание малодоступным для бедных социальных слоев. Кроме того, вместо газетных анонсов, Достоевская публиковала отдельные объявления, которые она далее посылала выбранным ею учреждениям, чтобы они попадали “именно в руки тех людей, которые читают и покупают книги (гимназии и училища) или же в канцелярию какого-либо учреждения (полки), где сходится много народу, служащих”.¹⁶ Этот предварительный отбор подписчиков подтверждает, что в начале 1880-е гг. произведения Достоевского читались преимущественно образованными людьми, регулярно посещавшими библиотеки. Низкие тиражи еще не позволяют говорить о масштабном распространении текстов Достоевского. Несколько лет спустя Н. А. Рубакин так рассуждал о смехотворных тиражах классиков: “Шесть или семь тысяч экземпляров на полторы тысячи городов России, это выйдет по четыре, по пять экземпляров на город” (1895: 19). Тем не менее, тиражи и цена следующих пяти изданий полных собраний сочинений, подготовленных Достоевской, отражают ее попытки расширить круг читателей: изд. 2-е (1885), в 6 т., в тип. А. С. Суворина, 6.200 экз. (большого формата, в 2 столбца, цена – 15 рублей за комплект, с пересылкой 20 рублей, разошлось за два года); изд. 3-е (1888-1889), в 12 т., в тип. бр. Пантелеевых, 12.200 экз., цена – 10 рублей за комплект, с пересылкой 12 рублей, распродано за 2,5 года; изд. 4-е (1891-1892), в 12 т., в тип. бр. Пантелеевых, 12.200 экз.; изд. 6-е (юбилейное) (1904-1906), в 14 т., напечатанное на веленовой бумаге, с приложением тридцати еще не появлявшихся в печати видов и портретов, 3.200 экз., цена – 25 рублей, а при рассрочке платежа по два рубля ежемесячно; изд. 7-е (1904-1906), в 12 т., 3.200 экз., цена – 10 рублей за комплект, с пересылкой 12 рублей (Достоевская 2015: 489, 574-575; Андрианова 2013а: 36).

Старания Достоевской были щедро вознаграждены, с точки зрения как экономической прибыли, так и литературной репутации: согласно исследованию, проведенному Н. А. Рубакиным в девяти русских провинциальных библиотеках, в период с 1891 по 1892 г. Достоевский входил в десятку самых востребованных авторов (Рубакин 1895: 127). Однако после четвертого издания *Полного собрания сочинений* (1891-1892) издательская деятельность Достоевской временно прекратилась, и в 1894-1895 гг. в печати появилось пятое издание *Полного собрания сочинений* Достоевского в 12 томах в виде бесплатного приложения к иллюстрированному еженедельнику *Нива* (1870-1917).

Всеобщий и популярный характер русских иллюстрированных журналов конца XIX в. соответствовал вкусам полуобразованных читателей, для которых чтение толстых журналов составляло очевидную

трудность: мелкие и средние служащие, деревенские священники, купцы, военные в невысоких чинах, учителя, получали последние новости науки, моды, искусства и литературы на понятном для них языке и в относительно увлекательной форме, в которой визуальный компонент играл немаловажную роль. Для расширения собственного круга читателей издатели иллюстрированных журналов с 1870-х гг. начали бесплатно раздавать так называемые “премии”. Обычно это были цветные олеографии, которые рекламировались столь активно, что едва ли не заслоняли собой содержание самого журнала: “Заметив успех премий, наши издатели порешили, что выгоднее издавать премии, чем журналы [...]. Целый ряд журналов говорит в своих рекламах о премиях, премиях и только о премиях. О содержании журнала почти ничего не говорится: он просто именуется интересным” (Чмыхов 1884: 1051). Начиная с 1880-х гг. на место олеографий постепенно пришли книги; именно новая форма приложений, благодаря большим тиражам и низкой цене журналов, стала важнейшим каналом распространения литературы среди менее образованных слоев общества, способствуя возникновению массовой читательской аудитории.

Издатель *Нивы* А. Ф. Маркс был по сути одним из первых, кто сделал ставку на бесплатные приложения, стремясь тем самым не только увеличить число читателей *Нивы*, но и разнообразить программу журнала и повысить ее качество (Динерштейн 1986: 37). С самого начала журнал *Нива* обращался к “среднему” читателю, менее “развитому по сравнению с читателем его основного конкурента, журнала *Всемирная иллюстрация* (от которого он также отличался ценой: 6 рублей годовой подписки за *Ниву* и 12 за *Всемирную иллюстрацию*), но все-таки имевшему более утонченный вкус по сравнению с читателями других иллюстрированных журналов, таких как, например, *Родина*.¹⁷ За два десятилетия, с 1870 г. по 1891 г., тираж *Нивы* увеличился в десять раз, с девяти тысяч до ста пятнадцати тысяч экземпляров, и в круг его подписчиков вошли как представители провинциальной интеллигенции, так и (в меньшем количестве) рабочие и крестьяне. В 1890 г. Маркс получил в Главном управлении по делам печати право на публикацию бесплатных ежемесячных приложений, а затем и разрешение удваивать их число, таким образом возросшее с 12-ти до 24-х приложений в год (Динерштейн 1986: 38-43). Начиная с 1891 г. Маркс стал печатать одно или два дешевых издания полного собрания сочинений классиков, которые распространялись с *Нивой*, но при этом продавались и отдельно.¹⁸ Значительная часть выпущенных Марксом собраний сочинений сверялась с рукописями или готовилась самими авторами, хотя качество их текстологической подготовки не всегда оставалось на должном уровне. И все же инициатива Маркса обернулась беспрецедентным издательским успехом, имевшим особое

значение в деле распространения классиков среди “большой публики маленьких кошельков” (Авсеенко 1904: 1006), которая не могла позволить себе дорогие книги других издателей. В течение одного десятилетия личные библиотеки читателей *Нивы* обогатились полными собраниями сочинений самых известных литераторов:

Ну, а о *Ниве* и говорить нечего – не было, наверное, такого уголка в России, где не выписывали бы *Ниву*, с нетерпением ожидая каждого номера – не самого журнала (он был скучен и серо-стоятельно и даже очень почти всегда), а приложения, а в числе приложений – такие имена: Мельников-Печерский, Достоевский, Лесков, Глеб Успенский, Короленко, Мамин-Сибиряк, Ростан, Бунин, Куприн, Фет, Майков, Мольер, Гамсун, Ибсен, Гауптман, Гаршин, Леонид Андреев... (Борисов 1967: 40)

Благодаря публикации полных собраний сочинений русских писателей в формате бесплатного приложения, к 1904 г. тираж *Нивы* увеличился до двухсот семидесяти пяти тысяч экземпляров (Динерштейн 1986: 40). После Лермонтова, Ломоносова, Фонвизина, Гоголя и других выбор Маркса пал на Достоевского: по итогам долгих переговоров, 15 апреля 1893 г. Маркс приобрел за 75 тысяч рублей у А. Г. Достоевской авторские права на публикацию всех романов и рассказов, всех статей и выпусков *Дневника писателя* 1876-1877 гг. Достоевская выставляла следующее условие: полное собрание сочинений должно было выйти приложением к *Ниве* в течение трех лет после заключения соглашения. Маркс также включил в договор отдельные статьи, оставив за собой, помимо тиража *Нивы* и двухсот экземпляров собрания, предназначенных для отдельной продажи, право на публикацию других трех тысяч экземпляров, которые следовало распространять с ежегодными подшивками журнала, не входившими в подписку. Со своей стороны, он предоставил Достоевской возможность перепечатать с 1893 по 1895 г. три тысячи экземпляров *Записок из Мертвого дома*,¹⁹ три тысячи экземпляров сборника *Русским детям* (*Русским детям*, 1883), и распродать оставшиеся экземпляры старых изданий полного собрания сочинений по цене 12 рублей за комплект.²⁰

Как вспоминала сама Достоевская, она приняла предложение Маркса, поскольку надеялась таким образом обрести читателей из менее состоятельных слоев; они не могли позволить себе приобрести издания сочинений Достоевского, но без труда заплатили бы пять рублей за годичную подписку на *Ниву* (543).²¹ Именно на этом настаивала реклама приложений в объявлении об открытии подписной кампании на *Ниву* в 1894 г.:

Имя Достоевского слишком известно в России, и кому из грамотных русских людей не дорого оно? – Своими, исполненными жизненной правды и глубокого психологического анализа произведениями он сумел пробудить в человеческом сердце лучшие его чувства. В виду этого понятно желание каждого не только прочесть произведения Ф. М. Достоевского, но и иметь их у себя; в отдельной же продаже стоят они слишком дорого, и потому мы в праве рассчитывать на сочувствие наших подписчиков, давая *бесплатно*, в виде приложения к *Ниве* на 1894 год, в *новом, тщательно сверленном и просмотренном издании*, следующие сочинения Ф. М. Достоевского в двенадцати книгах. (Авсеенко 1904:1006-1007)

Хотя Маркс надеялся увеличить таким способом число абонентов журнала, заключив договор, он боялся, что публика поведет себя иначе.²² Однако время развеяло эти сомнения и показало эффективность предприятия, как оказалось, намного более выгодного для Маркса, чем для Достоевской.

Полное собрание произведений Достоевского принесло *Ниве* 50 тысяч новых подписчиков, что позволило за один год увеличить тираж с 120 тысяч до 170 тысяч экземпляров и принесло дополнительный доход в 250 тысяч рублей (Динерштейн 1986: 113). Годом позже Маркс расширил и разнообразил коммерческое предложение. Объявление о начале подписной кампании на *Ниву* в 1895 г. сулило читателям, помимо 12 томов полного собрания сочинений Достоевского, еще 12 книг литературных приложений, две картины, большую карту русских железных дорог и портрет царя (41). Современники так вспоминают о масштабной кампании *Нивы*, одним из первых случаев успешного воздействия рекламы на убеждения масс:

Благодаря могущественной рекламе, сделанной недавно *Нивой* сочинениям Достоевского, произведения великого русского писателя в неслыханном дотоле количестве экземпляров разом разошлись по самым дальним углам России, ознакомив с идеями и значением почившего множество людей, которые иначе бы, может быть, никогда ничего о нем не услышали. (Веригин 1898: 5)

Таким образом, рекламная кампания *Нивы* способствовала повсеместному и беспрецедентному распространению произведений Достоевского:

До него [до Маркса – Р. В.] были невозможны такие издания, как 100 000 экземпляров Достоевского, 250 000 Тургенева, Гончарова, Салтыкова. Если расходилось восемь, девять тысяч какого-нибудь из популярных авторов, это уже считалось небывалым успехом. За каких-нибудь шесть рублей подписчик *Нивы* полу-

чал не только журнал с отличным подбором беллетристики, но и, напр., полное собрание Достоевского. (Немирович-Данченко 2001: 51)

Судя по отчетам публичных библиотек различных регионов Российской империи, Достоевский оставался в десятке самых востребованных авторов с 1896 по 1898 г. (Рейтблат 2009: 80-81; Астафьев 1898: 331). Новым оказался вхождение в круг читателей Достоевского представителей низшей части средних слоев: мелкие и средние служащие, а также держатели гостиниц и трактиров, ремесленники и торговцы – люди тех профессий, которые почти отсутствовали в выборке читателей Достоевского конца 1870-х гг. и 1880-х гг. Более того, каким бы смелым ни было предположение о наличии прямой связи с распространением издания Маркса, оно подтверждается тем, что начиная с 1896 г. некоторые сочинения Достоевского вошли в первый каталог книг, рекомендованных для народного чтения.²³

Тем не менее у этой медали имелась и обратная сторона: при заключении контракта Маркс и Достоевская предполагали, что подписчики *Нивы*, мало привыкшие к чтению, после первых восторгов от приложений скоро забудут о них. Так, вдова писателя рассчитывала напечатать через три-четыре года роскошное издание полного собрания сочинений по более высокой цене. Вопреки ожиданиям, подписчики *Нивы* оказались более предусмотрительными, чем не преминули воспользоваться букинисты, скупавшие приложения по смехотворной стоимости и перепродавая их затем за большие деньги:

Многие учреждения (рестораны, гостиницы и т. п.), выдавая своей публике на просмотр журнал с картинками, книги приложений сохранили. Про это скоро узнали букинисты и стали скупать это издание за дешевую цену, а продавать за повышенную. Узнав, что приложения *Нивы* имеют известную ценность, стали продавать их и частные лица. Сначала торговля *Полного собрания сочинений* Ф. М. Достоевского велась не активно и 24 тома продавались от 4 до 5 рублей. Затем цена поднялась и достигла десяти-двенадцати рублей за полный экземпляр. Таким образом, мало по малу книжный рынок был заполнен произведениями Достоевского в бесплатном приложении *Нивы* и это длилось лет десять, вместо трех-четырех, как мы предполагали. (Достоевская 2015: 543-544)

Лишь в 1904 г. Достоевской удалось выпустить шестое, юбилейное издание полного собрания сочинений, отличавшееся от предыдущих версий главой “Исповедь Ставрогина (У Тихона)”, остававшейся до того времени неопубликованной.²⁴ Согласно воспоминаниям

Достоевской, последние два издания оказались наименее успешными. Революционные потрясения, страх краж и пожаров книжных складов, а также рост цен на типографские работы, убедили Достоевскую в необходимости прекратить свою издательскую деятельность и продать литературные права Н. С. Цетлину, представителю книгоиздательского товарищества “Просвещение” (Достоевская 2015: 574-589).²⁵ Разумно предположить, что ухудшению издательского положения Достоевской способствовало также насыщение книжного рынка после выхода издания Маркса. Воспоминания современников свидетельствуют о том, что провинциальные читатели и представители низшей прослойки среднего сословия шире познакомились с русскими классиками, в том числе с Достоевским, благодаря именно приложениям *Нивы*: “Классиков провинция читала лишь по милости издателя А. Ф. Маркса, когда они появились в бесплатных приложениях к *Ниве*” (Кузьмин 1966: 195-196). О том же писал историк литературы И. Н. Розанов уже в советскую эпоху:

Произведения русского художественного слова стали проникать во все обывательские уголки обширного отечества. Польза от такого широкого распространения — несомненна; большинство читателей читало и читает до сих пор этих авторов в наиболее распространенных и доступных изданиях Маркса. (1925: 467)

Относительная доступность дешевых изданий неизбежно сказывалась на восприятии русских классиков людьми, к чтению не подготовленными. В ряде случаев речь шла о давно ожидаемой встрече, иногда – о встрече случайной: часто читатель покупал книгу прежде всего из-за относительно низкой цены, а не из-за содержания, и лишь затем осознавал значимость прочитанного. Такие читатели только при самом счастливом раскладе по-настоящему осмыслили книги. Отдельные свидетельства, восходящие к первым годам XX в., показывают, что читатели из низких социальных слоев или же вообще не вполне образованные люди, не обладая соответствующими навыками интерпретации, считали произведения Достоевского чрезмерно сложными. Один восемнадцатилетний студент, опрошенный при исследовании внеклассного чтения в 1899 г., так говорил о путанице, порожденной чтением Достоевского:

Если до сих пор мой внутренний мир был ясен, чист и безмятежен, то при чтении Достоевского возмутилось это блаженное состояние. Переживши страдания несчастных людей, узнавши страшные тайны жизни, я сам сделался несчастным. Я потерял разумный смысл жизни вообще и свой в частности, стал бояться до ужаса своего существования. (Одесский 1899: 66)

Такие отзывы побуждали составителя опроса настаивать на ограничении чтения Достоевского среди подростков и детей. Автор другого опроса 1903 г. среди учащихся старших классов средних учебных заведений разных регионов России так комментировал малое количество отзывов о Достоевском:

На долю Достоевского похвал выпало не мало, но отзывов, в которых давалась бы характеристика писателя, очень немного. Объяснить это можно только тем, что юношество не доросло до понимания Достоевского в его полном объеме. Мне кажется, что Достоевского, этого величайшего поэта страданий, падений души и подъемов ее к святости, могут понимать только люди, много пережившие в жизни горя, люди-страдальцы. Для людей же, не испивших из чаши страдания, смысл произведений Достоевского останется неясным, непонятным [...].
(Левин 1903: 109)

Значительными являются также отзывы двух представителей нового читательского слоя, появившегося в начале 1890-х гг., – “развитых”, много читающих заводских рабочих. В 1902 г. слушатель воскресной школы для рабочих Москвы И. Яковлев так отозвался о чтении романа *Преступление и наказание*: “читал [...] *Преступление и наказание*, сочинение Достоевского, но эта книга не очень понравилась мне, потому что я не читал таких книг раньше”. Аналогичным образом реагировал и другой студент воскресной школы, Авакин, уже прочитавший к этому времени Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого и др.:

Учитель не отказывал в книгах, но я как-то стеснялся спросить его, разъяснить темные для меня места в прочитанной книге, в особенности – Достоевского. Прочитаешь таким образом, не думая затем больше о прочитанном, и в конце концов в голове ничего не остается, кроме ничего не говорящих названий сочинений и имен героев. (*Читательские автобиографии* 1999: 33, 41)

Увеличению объема прочитанного не всегда соответствовало умение проникать в суть: при отсутствии комментария новые читатели с трудом осмыслили моральные, религиозные и социальные проблемы романов Достоевского.²⁶ Именно на преодоление этой трудности была направлена работа издателей и просветителей 1880-х годов, готовивших издания произведений Достоевского для тех категорий читателей, которые до тех пор не имели к ним доступа.

Издания для детей и для народа: Записки из Мертвого дома

Популярность Достоевского как “педагога”, возникшая во второй половине 1870-х гг. в связи с *Дневником писателя* и упрочившаяся благодаря *Братьям Карамазовым* и публичным чтениям в пользу нуждающихся детей, достигла апогея после его смерти.²⁷ В 1881 году комиссия Учебного отдела Московского Общества распространения технических знаний одобрила внесение некоторых сочинений Достоевского в *Библиографический листок*, который представлял собой первую попытку выпуска библиографического сборника, посвященного вопросам развития детской литературы.²⁸ В книгу также вошла статья харьковского педагога Х. Д. Алчевской. Оставаясь верной убеждению, что народный читатель сможет оценить лучшие литературные творения, автор выражала надежду на публикацию отдельных фрагментов из произведений Достоевского в изданиях для юношества и приводила в пример собственный опыт в харьковской воскресной школе. Алчевская выражала уверенность в том, что любовь и сочувствие, с которыми Достоевский относился к миру детей, могли бы сделать его сочинения доступными даже самым маленьким читателям. В ответ на возможные возражения тех, кто считал героев Достоевского исключительно нервными людьми, Алчевская уточняла, что дети в его произведениях не наделялись этими чертами:

Достоевский *слишком* любил детей, *слишком* был их адвокатом в жизни, чтобы не быть доступным детскому сердцу, детскому пониманию! [...] Никто не станет отрицать того благотворного влияния, которое имел на наше общество даровитый писатель-психолог; он научил нас снисходить и сострадать там, где прежде мы знали только порицание и кару; и если он сумел привить *нам* свои симпатии к “униженным и оскорбленным”, то тем более симпатии эти способны привиться к мягкой душе ребенка. (1881: 46-47)

Библиографический листок и *peroratio* Алчевской давали издателям весомый повод для расширения круга читателей Достоевского вплоть до самой младшей возрастной категории. Сочинения Достоевского начали печататься в сборниках, хрестоматиях и журналах для детей, вызывая жаркие дебаты между сторонниками и противниками воспитательного значения, приписываемого творчеству писателя. Одновременно произведения Достоевского привлекли к себе внимание и недавно образовавшихся издательств книг для народа. В 1886 г. велись переговоры между издательством “Посредник” и Достоевской о публикации отрывка из *Братьев Карамазовых* под названием ‘Рассказ старца Зосимы’.²⁹ Через год издатель популярной литературы И. Д.

Сытин задумал поместить рассказ *Мужик Марей* в *Всеобщий календарь* на 1887 г., однако и в этом случае проекту не суждено было реализоваться из-за вето цензуры.³⁰ Отдельного упоминания заслуживают издания А. С. Суворина середины 1880-х гг. (хотя они были рассчитаны не на народного читателя, а на городские средние читательские слои), в частности издание *Бедных людей* в массовой малоформатной серии “Дешевая библиотека”.³¹

Попытки создать репутацию Достоевского как “писателя для детей” или “писателя для народа” в 1880-е гг. следует рассматривать на фоне растущего уважения к педагогической практике и большего осознания культурно-просветительской миссии в отношении русского народа.³² По замечанию Дж. Брукса, распространение классиков в дешевых изданиях отвечало запросу на формирование чувства национальной идентичности также и в низших социальных группах, что еще требует отдельного изучения в случае с Достоевским (Brooks 1985: 299). Однако у истоков издательского интереса к Достоевскому в ряде случаев лежал своего рода ошибочный расчет, который приводил к ложному отождествлению героев его произведений с адресатами его текстов. Считалось, что новые читательские группы узнают себя в сети социальных отношений, в обстановке и ситуациях, описанных в романах Достоевского и, следовательно, смогут уподобить себя героям его историй, извлекая из них нравственный урок: отсюда издания адаптированных фрагментов произведений Достоевского, обращенных не только к детям и к простому народу, но и к женской части публики.³³ Попытки приспособить форму текстов Достоевского к требованиям этой новой “воображаемой публики”³⁴ принесли посредственный результат. Примером искажения и ущербности адаптированных произведений Достоевского служат *Записки из Мертвого дома*, которые в интересующий нас период, наряду с *Мужиком Мареем* и *Мальчиком у Христа на елке*, выдержали самое большое число переизданий, частичных, полных или переработанных. Помимо изданий в составе полных собраний сочинений, *Записки* публиковались отдельно в 1881 г. (пятое издание), в 1883 г. (шестое издание), в 1896 г. (тринадцатое издание), в 1900 г. (четырнадцатое издание) и в 1905 г. (семнадцатое издание; см. Белов 2011). С чем связан этот интерес к *Запискам из Мертвого дома*? Прежде всего, с их документальным характером: точность, живость и сочувствие, с которыми Достоевский впервые в русской литературе описал условия жизни ссыльных преступников, служили источником вдохновения для многих первооткрывателей того “золота”, что сияло “под грубой корой” русского народа.³⁵ Следует, однако, отметить и другой фактор. В частных письмах Достоевский старательно именовал новое произведение “записками неизвестного”, настаивал на вымышленном характере Я-повество-

вателя и пытался отделить его от личного опыта.³⁶ Вместе с тем, как он и предвидел, *Записки из Мертвого дома* возбудили любопытство публики благодаря близости сюжета подлинному жизненному опыту его автора. В последующие годы этот интерес и не ослабевал. Как вспоминала Достоевская, решение выпустить четвертое издание (1875), спустя ровно десять лет после собрания Ф. Стелловского, было продиктовано необходимостью удовлетворить запросы книгопродавцев (Достоевская 2015: 327). Подобным образом Достоевская была “вынуждена” напечатать пятое издание (1881) сразу после смерти писателя: “Особенно требовались *Записки из Мертвого дома* и посмертный *Дневник писателя*, и мне пришлось в первые же месяцы напечатать эти два издания” (481). Стало быть, *Записки из Мертвого дома* так же, как и *Дневник писателя*, воспринимались публикой как автобиографическое произведение, дававшее возможность читателю познакомиться с личностью самого автора и с его жизненными обстоятельствами.

Уникальность ситуации с *Записками из Мертвого дома* связана не только с их переизданиями, но и с многочисленными публикациями отдельных частей, временами адаптировавшихся под запросы особых категорий читателей. Уже в 1863 г. переработанная версия главы “Акулькин муж” вышла в составе сборника рассказов под редакцией людей, близких к основателю “Земли и воли” Н. А. Серно-Соловьевичу, затем конфискованного по решению цензуры. Политические мотивы в пользу такого выбора прояснились в финальном примечании составителей: “Вот как люди гибнут! [...] погибли даром могучие силы, погибли незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то кто виноват?” (*Сборник рассказов* 1863: 124). Правильным образом составленный и пересмотренный текст *Записок из Мертвого дома*, казалось, предназначался для самого разного чтения и типов публики. В 1864 г. ‘Представление’, одна из наиболее ярких глав романа, вошла в состав второго издания *Русской хрестоматии* под редакцией Андрея Филонова. Хрестоматия неоднократно переиздавалась в последующие годы (в 1887 г. вышло седьмое издание) и стала популярной среди читателей школьного возраста. Об этом свидетельствуют воспоминания А. И. Шмелева, бывшего самоучки, ставшего затем народным учителем: “Я очень любил также читать хрестоматии – Полевого и Филонова [...]. Вообще же в хрестоматиях почти каждая страница читалась мной с увлечением, и это было чтение, повторяемое по несколько раз.”³⁷ Публикация 1864 г. означала включение *Записок Мертвого дома* в школьный канон, сначала лишь отдельными фрагментами в хрестоматии Филонова, затем в 1883 г. уже без купюр в восьмом томе Литературной детской библиотеки (Всемирная хрестоматия) (Ф. М. Достоевский и его сочинения, 1883). Вместе с *Бедными людьми*,³⁸ *За-*

писки из *Мертвого дома* на многие годы стали единственным произведением Достоевского, включенным в школьные антологии. И после смерти Достоевского *Записки* оставались самым часто встречающимся в такого рода изданиях сочинением, опережая произведения, на первый взгляд несколько более рассчитанные на детей, – такие как *Мальчик у Христа на елке*, *Мужик Марей* и некоторые фрагменты *Братьев Карамазовых*.³⁹

В частности, в 1880-е годы фрагменты из *Записок из Мертвого дома* печатались в составе двух сборников для детей и юношества, целиком посвященных Достоевскому – *Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского* (Санкт-Петербург, 1883; изд. А. Г. Достоевской; под ред. О. Ф. Миллера) и *Выбор из сочинения Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет)* (Санкт-Петербург, 1887; изд. А. Г. Достоевской; под ред. В. Я. Стоюнина; изд. 2-е в 1902 г.).⁴⁰ Издание этих сборников было, согласно вдове писателя, осуществлением его давней мечты: “У Федора Михайловича мечта выбрать из своих сочинений, которые можно было бы дать в руки детям”.⁴¹ Достоевская всецело отдалась распространению сочинений писателя в библиотеках учебных заведений, однако ее усилия часто сталкивались с тем очевидным препятствием, что Достоевский не предназначал свои произведения для детского чтения (Волгин 1980: 202-203). Примером этого служит спорная просветительская деятельность биографа Достоевского и профессора Санкт-Петербургского университета О. Ф. Миллера – одного из тех, кто наиболее ратовал за переоценку воспитательного потенциала произведений писателя. Давняя дружба и глубокое уважение, которое Миллер всегда питал к Достоевскому, побудили А. Г. Достоевскую открыть ему доступ к личному архиву мужа для написания уже упомянутой первой посмертной биографии Достоевского, впоследствии вошедшей в первый том первого *Полного собрания сочинений* 1882 г. Кроме того, начиная с 1882 г. Миллер посвятил писателю ряд публичных лекций, привлечших массу слушателей и получивших отклик в прессе.⁴² Являясь автором большой статьи ‘Дети в сочинениях Ф. М. Достоевского’, вышедшей в 1882 г. в журнале *Женское образование* (Миллер 1882), Миллер также был редактором сборника *Русским детям* (1883). В предисловии к сборнику Миллер отвечал на возможные упреки тех обвинителей “жестокоего таланта”⁴³ Достоевского, которые считали его сочинения не подходящими для маленьких читателей. При этом Миллер апеллировал к многочисленным детским героям Достоевского и подчеркивал открытие писателем страдания, своего собственного и других людей, как фундаментального элемента нравственного и умственного развития, как необходимого этапа в переходе ко взрослой жизни (*Русским детям* 1883: I, II). Несмотря на это, сам Миллер давал повод для критики,

которая не заставила себя ждать.⁴⁴ значительная редакторская правка текстов обозначала желание сообщить молодому читателю лишь идеалистическое видение страдания, лишенное жестоких подробностей, способных сделать его слишком реалистичным. Наряду с фрагментами из других произведений Достоевского (*Бедные люди*, *Неточка Незванова*, *Униженные и оскорбленные*, *Преступление и наказание*, *Дневник писателя*, *Подросток*, *Братья Карамазовы*) в сборник *Русским детям* вошел отрывок из *Записок из Мертвого дома* ‘Летняя пора в тюрьме’, т. е. адаптированная версия главы ‘Летняя пора’ из второй части романа. Свой выбор Миллер отчасти объяснял в предисловии:

Пусть уже дети приучаются понимать, почему народ называет даже арестантов-каторжников только *несчастливыми*. Пусть приучаются понимать, что и в этих людях может не угаснуть в конце искра Божия, – что долг ближнего – не давать ей угаснуть в других. (*Русским детям* 1883: II)

При этом текст подвергся обширным изъятиям, касавшимся начального отступления о ссыльных, пытавшихся сбежать из мест заключения, описания “волнения”, вызванного новостью о прибывающем из Петербурга генерале, а также всей финальной части, замененной на выжимки из следующей главы ‘Каторжные животные’.

Второй сборник, предназначенный для более старших детей, *Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет)*, вышел в 1887 г. под редакцией педагога В. Я. Стоюнина, давнего знакомого Достоевских и автора работы *О преподавании русской литературы* (1864 и переиздания). В состав сборника, кроме *Бедных людей*, *Господина Прохарчина* и *Неточки Незвановой*, вошли следующие фрагменты *Записок из Мертвого дома*: ‘Введение’, ‘Мертвый дом’, ‘Аким Акимыч’, ‘Старовер’, ‘Сироткин’, ‘Лезниг-Нурра’, ‘Алей’, ‘Сушилов’, ‘Петров’, ‘Исай Фомич’, ‘Праздник Рождества Христова’, ‘Представление’, ‘Каторжные животные’, ‘Выход из каторги’ (*Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского* 1887). Фрагменты из *Записок из Мертвого дома* были адаптированы и превращены в своего рода портретную галерею разных персонажей и моментов жизни ссыльных, в результате чего возникла версия, если и не вполне смягченная, то как минимум далекая от оригинала.

Причины столь радикального вмешательства в текст *Записок из Мертвого дома* мы можем связать с очевидной необходимостью предохранить молодого читателя от преждевременного знакомства с девичьим поведением, способным возбудить в нем опасное желание повторить этот опыт. Однако куда менее ясными кажутся мотивы, побуждавшие педагогов того времени считать *Записки* воспитательным

текстом, на основе которого можно было вырастить поколения молодых людей и просветить народ. Здесь нам на помощь приходит уже упомянутая Х. Д. Алчевская, одна из самых ревностных защитниц дидактической ценности произведений Достоевского. В 1880-е годы Алчевская организовала кружки чтения для детей и взрослых и собирала мнения участников о прочитанном. Из произведений Достоевского Алчевская предлагала также отрывки из *Записок из Мертвого дома* (по четвертому изданию 1875 года):

Нас могут спросить: почему именно остановились мы на *Записках из мертвого дома*, а не на каком-либо другом произведении Достоевского? – Потому, ответим мы, что только это произведение посвящено описанию народа и должно быть ближе ему, чем многое другое, не смотря на то даже, что сам автор предназначал его очевидно, не для народного чтения.⁴⁵

Хотя Алчевская и называла *Записки из Мертвого дома* романом, “близким к народу”, таковыми она считала лишь те отдельные картины и сцены, в которых не проглядывали отличия мира ссыльных от нормы – социальной и человеческой. Например, при чтении первой главы Алчевская сознательно опустила разные фрагменты: те, где говорится, что среди преступников большинство грамотных и что есть люди, которые “выводят из подобных данных, что грамотность губит народ”; “непонятные рассуждения”, в которых отмечается, что “преступление не может быть осмысленно с данных, готовых точек зрения, и философия его несколько потруднее, чем полагают”; историю об осужденном за отцеубийство и, наконец, рассуждения рассказчика о контрабанде как “особенном преступлении” и о контрабандисте, который “работает по страсти, по призванию”. Изъятия Алчевской касались таким образом тех отрывков, которые могли ввести в замешательство читателя, “отделенного от нас бездной”, не только жесткостью описаний или грубостью самих героев, но и тонкой двусмысленностью отдельных утверждений рассказчика. Как следует из анализа откликов молодых харьковских воспитанниц, они сравнивали услышанное с собственным опытом и отождествляли себя с судьбой того или иного персонажа. В то же время им не удавалось сформировать собственные суждения о произведении в целом. Комментарии к прочитанным отрывкам сводились к отдельным впечатлениям, обусловленным изначально, крестьянской религиозной чувствительностью:

– Вот как интересно знать, как они, бедные, там живут и чем занимаются! Далеко, ведь, это от нас, и не увидишь никогда никого, кто там был, и не услышишь, как там люди живут, в Сибири.

– А я знаю одного старичка-поляка, возразила ей другая ученица: – он ходит по дворам дрова рубить и к нам заходит, так интересно послушать, как он рассказывать начнет! Он тоже за убийство сослан был.

– И ты его не боишься? спросила первая.

– Нисколько! Отвечала вторая: – он такой добрый! – будто и не убивал никого.

– А хоть и убил, так покаялся, заметила третья, – может целый век грехи замаливал.⁴⁶

Ограниченные аналитические способности народного читателя и свойственная ему тенденция смешивать естественное и сверхъестественное были также отмечены в одной из статей, вышедших в *Русском обозрении* в 1893 г.:

К мистическому элементу, то есть ко всему чудесному и сверхъестественному, в сочинениях Л. Толстого и Достоевского, наши крестьяне относятся, как к самому обыкновенному и естественному. (Ивин 1893: 772)

Писатель, придерживающийся социалистических взглядов С. А. Раппопорт (Ан-ский) связывал неудачу публичных чтений с неправильностью издательских практик для народного читателя: практика извлечения отдельных фрагментов искажала литературный текст и изменяла смысл высказывания, делая его еще более непонятным простому читателю, как это случилось с отрывками из *Записок из Мертвого дома* (Ан-ский 1894: 128). К этому следует добавить очевидную разницу между чтением текста и восприятием его на слух, как в те же годы отмечал Н. А. Рубакин:

Во-первых, из того, что некоторые произведения наших лучших писателей, прочитанные вслух, были поняты и произвели впечатление на слушателей из народа, нельзя заключить, что все произведения этих писателей будут поняты и произведут такое же впечатление. Из того, что народ может понимать такого рода произведения, не следует, что он может читать их: слушать и читать самому далеко не одно и то же. Читать чуть не по складам длинную фразу Достоевского малограмотному читателю нелегко: он не дочитает ее до конца, как уж забудет начало. Книжка для народа должна облегчать понимание, что не достигается, если предложить народу сочинения Достоевского. (1889: 4)

Констатировав трудности и риски превратного прочтения, в начале 1900-х годов Министерство народного просвещения исключило

сочинения Достоевского из списка книг для бесплатных народных читален.⁴⁷

Не имея возможности подробно проанализировать каждое из упомянутых изданий, подведем некоторые итоги. Мы описали эволюцию читательской аудитории Достоевского, отражающей основные этапы развития чтения в России с 1880-х по 1900-е гг. При этом за пределами нашего анализа остались такие малоизученные сюжеты, как паратекстуальные элементы изданий Достоевского и рекламные стратегии, шедшие в ход при коммерциализации их сочинений. Случай Достоевского указывает на то, что канонизация классиков – это отнюдь не линейный процесс. Он подвержен взаимным влияниям: с одной стороны, изменения претерпевает первоначальный образ автора, однако, с другой, его репутация обрастает неизвестными прежде чертами и обретает некое новое содержание. Если в последние двадцать лет XIX столетия канонизация Достоевского происходила, главным образом, благодаря практикам массового книгоиздания и народного образования, то начиная с XX в. она пошла иным, не менее важным путем – образования среднего.⁴⁸ Это событие можно отчасти считать победой или, пользуясь терминологией Бурдьё, “признанием” того символического капитала, который Достоевский накопил после смерти благодаря обширной издательской и филантропической пропаганде. Этот аспект также заслуживает дополнительного изучения. Совершенно очевидно, что исследование процессов издательского производства и распространения книг и механизмов, регулировавших их потребление, позволит выявить менее известные стороны образа Достоевского и других классиков в сознании русской публики на рубеже двух столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому от 1 февраля 1846 г. (Достоевский 1972-1990, 28/1: 117).
- ² Во второй статье ‘Книжность и грамотность’ (1861), посвященной разбору проекта читальника Н. Ф. Щербины *Опыт книги для народа*, Достоевский писал: “Тут именно чем талантливее составлена книжка, тем более ее разойдется, следовательно, тем вернее барыш. А талантливо составить – значит занимательно составить, потому что самая лучшая книга, какая бы она ни была и о чем бы ни трактовала, – это занимательная” (1972-1990, 19: 51). О значении “занимательности” в

- поэтике Достоевского см. Гроссман (1925: 7-63). О роли читателя в творческом сознании Достоевского см. Сдобнов (1999).
- 3 Напомним, что французский социолог П. Бурдьё в основание различных определений “символического капитала” ставит понятие “признания”: “the form that the various species of capital assume when they are perceived and recognized as legitimate” (Bourdieu 1989: 17); “a kind of ‘economic’ capital, denied but recognized, and hence legitimate – a veritable credit, and capable of assuring, under certain conditions and in the long term, ‘economic’ profits” (1996: 142).
- 4 См. статьи А. И. Рейтблата в *Книга в России 1881-1895* (1997: 305-317); *Книга в России 1895-1917* (2008: 635-654). О русской публике второй половины XIX века см. также Brooks (1985); Рейтблат (2009: 15-37); Дубин, Рейтблат (2003).
- 5 Особо значительным является отсутствие Достоевского из первой, рассчитанной на широкую публику серии русских классиков – “Русская библиотека” М. М. Стасюлевича (1874-1879). В серию вошли произведения А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыков-Щедрина, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева.
- 6 Общий состав публики Достоевского в последнее десятилетие его жизни находит отражение в почте *Дневника писателя* за 1876-1877 гг. Об этом см. Волгин (1982); Vassena (2007).
- 7 Об издательской деятельности А. Г. Достоевской см. Андрианова (2013а: 26-44); Andrianova (2016).
- 8 По определению французского социолога Р. Эскарпи, “creative treason” происходит при несовпадении намерений публики и автора, когда новые категории читателей могут видеть в литературном произведении то, что они хотят, таким образом придавая произведению новые, непридуманные автором, смыслы (1971: 23). О воздействии, которое материальные формы книги оказывают на ее смысловую интерпретацию, см. фундаментальную работу (McKenzie 1999).
- 9 Срок нами установлен в 1906 г., так как в этом году появились последние два полных собрания сочинений, изданных А. Г. Достоевской. В 1906 г. также был открыт Музей памяти Ф. М. Достоевского в Императорском Российском Историческом музее имени Императора Александра III в Москве.
- 10 Слово “популярный” используется здесь в том значении, которое дается ему в *Толковом словаре живого Великорусского языка* В. И. Даля: “франц. народный; обычный в народе, любимый им; популярная книга, доступная, понятная неученым”.
- 11 О непрекращающихся визитах в дни, предшествующие смерти Достоевского, см. Достоевская (2015: 426-432).
- 12 Тюменев (1973: 337-343). О панихиде, погребальном шествии и похоронах Достоевского см. также Достоевская (2015: 433-441); Кузьмина (1971: 305-307).

-
- 13 О понятии “звезды” в данном контексте см. Дубин (2006).
- 14 Письмо А. Г. Достоевской к Е. Ф. Юнге от 14 августа 1881 г. *Достоевский в неизданной переписке современников* (1973: 558).
- 15 О первой посмертной биографии Достоевского см. Перлина (1975).
- 16 Письмо А. Г. Достоевской к С. А. Толстой от 1 октября 1885 г. (Никифорова 2000: 294).
- 17 О читателях иллюстрированных журналов см. Рейтблат (2009: 101-112). О социальном составе читательской аудитории *Нивы* см. также Динерштейн (1986: 42-45). Согласно Н. А. Рубакину, *Нива* распространялась “в почтенном количестве среди духовенства, среди чиновничества и других служилых лиц в провинции” (1895: 17).
- 18 Первым собранием Маркс издал сочинения М. Ю. Лермонтова, вышедшие в 1891 г. в двух томах. Затем Маркс издал собрания сочинений А. С. Грибоедова, И. И. Козлова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова. В 1893 вышли собрания сочинений М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина и Н. В. Гоголя (Динерштейн 1986: 87-112).
- 19 Наверно, пятое (1881) или шестое (1883) издания.
- 20 О договоре между Марксом и Достоевской см. Достоевская (2015: 551-554); Динерштейн (1986: 112-117).
- 21 Замечания А. Г. Достоевской не были безосновательны: Н. А. Рубакин приписывает тогдашнее неудовлетворительное распространение книг их высокой стоимости (1895: 24).
- 22 Сама Достоевская вспоминает свое удивление тому, что Маркс принял ее экономические условия. Она вспоминает также, как ее близкие считали азартным предложить произведения Достоевского читателям *Нивы* (2015: 548-549).
- 23 См. *Книга в России 1895-1917* (2008: 599); *Каталог книг для бесплатных народных читален* (1896: 80). В данном каталоге указаны следующие издания Достоевского: *Полное собрание сочинений*. 14 томов, Санкт-Петербург, 1883, Ц. 30 р.; *Мужик Марей. Столетняя*, Санкт-Петербург, 1885, Ц. 10 к.; *Бедные люди*, Санкт-Петербург (без указания года), Ц. 15 к.; *Записки из мертвого дома*, Санкт-Петербург, 1882, Ц. 2 р.”. Во втором издании каталога (1897 г.) остались те же самые издания (*Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален* 1897: 88). В третьем же издании каталога (1900 г.), кроме упомянутых изданий, вошло также Полное собрание сочинений 1891 года. См. *Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален* (1900: 107). Об этом см. также Волгин (1980: 197-202).
- 24 Об истории публикации А. Г. Достоевской ‘Исповеди Ставрогина’ см. Захаров (2010).
- 25 Решение Достоевской было обусловлено и новым законом 1910 года о литературной собственности, определяющим срок авторского права в течение пятидесяти лет после смерти.
- 26 Именно на необходимость комментария указывал в своем докладе, прочитанном 27 марта 1898 года, чиновник Министерства Народного

- просвещения П. А. Аннин, подвергая критике включение произведений Достоевского в список книг, рекомендованных для народного чтения (см. Волгин 1980: 199).
- 27 Упоминается, что в начале 1870-х гг. уже имелась попытка издать сочинения Достоевского для детей. В 1870 г. в журнале *Детское чтение* был напечатан рассказ по мотивам *Преступления и наказания Раздавили! Человека раздавили!*. Исследователями установлено, что автором рассказа являлся А. Н. Острогорский (см. Федорова, Андрианова 2015).
- 28 В сборнике были указаны следующие сочинения Достоевского: ‘О священном писании в жизни отца Зосимы’. *Семейные вечера*, 1881, 2; ‘У Илюшиной постельки’. *Семейные вечера*, 1881, 2; ‘Неточка и Катя’. *Воспитание и обучение*, 1881, 3; ‘Раздавили! Человека раздавили!’, *Домашнее чтение*, 1870, Т. IV; *Мальчик у Христа на елке*, перепечатан в книге Авенариуса *Тридцать новых лучших сказок*, 1877 (см. *Библиографический листок* 1881: 35).
- 29 Сборник не получил одобрение цензуры ввиду его “мистико-социального учения несогласного с духом учения православной веры и церкви и существующим порядком государственной и общественной жизни” (см. *Отрывок из романа* (1970: 124). См. также письма В. Г. Черткова Л. Н. Толстому от конца октября и от 10 декабря 1886 г. (Толстой 1928-1958. 85: 405, 423).
- 30 Цензор так объяснял свой отказ: “Хотя в приложениях приводятся вообще цели человеколюбые, но достигается это допущением подробностей об испорченности властей, начальства, бедствиях и страданиях людей рабочих, простолюдинов и узников” (цит. по: Динерштейн 2003: 63-64). В связи с новым прочтением Достоевского в народническом духе, следует указать также на выход в 1891 г. небольшого сборника под редакцией социалиста-революционера и толстовца Л. П. Никифорова, который включал в себя фрагменты из *Дневника писателя* от января 1877 г. (см. Ф. М. Достоевский. *Задачи русского народа*; составлено по Дневнику писателя Л. П. Никифоровым, Санкт-Петербург, 1891). Издание Никифорова вызвало похвалы Л. Н. Толстого (см. письмо Толстого к Л. П. Никифорову от 31 марта 1891; Толстой 1928-1958: 65: 280).
- 31 Ф. М. Достоевский (*Бедные люди*: роман, Санкт-Петербург, 1887; “Дешевая б.ка”, 60). Сборники серии “Дешевая библиотека” выходили малым форматом, печатались большими тиражами, и продавались по цене 10-15 коп. за экземпляр. Об издательстве А. С. Суворина и отчасти о серии “Дешевая библиотека”, см. Динерштейн (1998).
- 32 О роли детской литературы в воспитании и образовании во второй половине XIX века см. Хеллман (2016: 77-161).
- 33 Упоминается например публикация рассказа *Мальчик у Христа на елке* в сборнике *Русским матерям*, изданном И. Д. Сыгиным в 1892 г.
- 34 Эскарпи так описывает первую из трех функций издателя – выбор: “Selection presupposes that the publisher – or his delegate – imagines a

possible public and chooses from the mass of writing that is submitted to him the works best suited for that public [...] From the beginning of the study, preliminary to actual manufacturing, the public must be kept constantly in mind. Depending on whether the house is thinking in terms of a handsome volume destined for a few hundred bibliophiles or a popular, cheap book, everything changes: the paper, the format, the typography [...], the illustrations, the binding and, especially, the number of copies to be printed” (1971: 50, 52).

35 Письмо Достоевского к М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г. (Достоевский 1972-1990, 28/1: 172).

36 “Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного. [...] Там будет и серьезное, и мрачное, и юмористическое [...] и, наконец, главное – *мое имя*. Вспомни, что Плещеев приписывал успех своих стихотворений своему имени (понимаешь?). [...]. Создать себе имя литературное, – вот чего я теперь хочу” (Письмо Достоевского к М. М. Достоевскому от 9 октября 1859; там же. 28/1: 349).

37 Ледерле (1895: 91); см. *Русская хрестоматия* (1864: 686-700).

38 Отрывки из романа вошли в сборник *Русская историческая хрестоматия* (1866: 542-550).

39 О формировании школьного канона в России в XIX в., см. Вдовин, Лейбов (2013). О месте произведений Достоевского в русских хрестоматиях, см. там же: 316.

40 Следует упомянуть еще один сборник для детей, изданный позже А. Г. Достоевской: *Достоевский для детей школьного возраста* (под ред. А. В. Круглова. Санкт-Петербург, 1897). Данный сборник не включал *Записки из Мертвого дома*, а фрагменты из *Дневника писателя*, *Подростка*, *Бедных людей*, *Неточки Незвановой* и *Братьев Карамазовых*. Кроме этих сборников, целиком посвященных Достоевскому, один отрывок из *Записок из Мертвого дома* вышел под названием ‘Летняя пора в тюрьме (из записок арестанта)’ и в другом сборнике для юных читателей: *Складень. Чтение для детей и для юношества* (Санкт-Петербург, 1883; изд. А. В. Толиверовой).

41 Письмо А. Г. Достоевской к Е. Ф. Юнге от 16 ноября 1882 г. (*Достоевский в неизданной переписке современников* 1973: 558-559). О намерении Достоевского издать сборник своих произведений для детей см. также воспоминания типографского наборщика М. А. Александрова: “Иногда говорили о детских нравах, причем однажды Федор Михайлович рассказал, как он иногда забавляет свою маленькую дочь чтением библейских рассказов и русских былин и как она хорошо понимает их; читал он детям иногда отрывки из своих произведений и при этом замечал подтверждение своих догадок, что в его сочинениях есть такие места, доступные даже детскому пониманию... Это обстоятельство надоумило его заняться когда-нибудь, на досуге, выбором таких отрывков и издать их отдельную книжкою; но мысль эту он не успел привести в исполнение” (*Воспоминания и исследования* 2015: 60).

- 42 С помощью Миллера, устроившего ряд публичных литературных чтений, в 1883 г. Достоевской удалось открыть в Старой Руссе церковно-приходскую школу имени Ф. М. Достоевского (см. Достоевская 2015: 495-504; 513-527).
- 43 Михайловский (1882). В этой статье Михайловский критиковал пропагандистов Достоевского, в том числе и Миллера: “Есть люди, которые желали бы сделать из него нечто подобное; но, несмотря на старательность этих людей, принимающихся за свое дело с терпением дятла, ничего как-то из их усилий не выходит. Один г. Орест Миллер чего стоит! Он именно подобен дятлу, когда в своих статьях и публичных лекциях, им же несть меры и числа, восхваляет Достоевского, воздает хвалу Достоевскому, восторгается Достоевским, благовестит о Достоевском и восклицает: о Достоевский! Правда, этими склонениями и ограничивается роль г. О. Миллера как пропагандиста и комментатора, но все-таки подумайте, сколько тут вложено труда!”
- 44 См., например, отзыв Михайловского: “Из того, что Достоевский умел рассказывать большим (хотя-бы о детях), еще отнюдь не следует, чтобы те же самые рассказы были пригодны для детей” (Михайловский 1883, 3: 74). Сборник под редакцией Миллера вызвал некоторое волнение и в Ученом комитете Министерства Народного Просвещения (см. Волгин 1980: 193).
- 45 Алчевская (1884: 74, 288-291). Л. Н. Толстой также оценил воспитательное значение *Записок из Мертвого дома* для народного читателя. Два фрагмента из романа (под заглавиями “Орел” и “Смерть в госпитале”) вошли в его *Круг чтения* (1905).
- 46 Алчевская (1884: 73-74). По поводу рассказа *Мальчик у Христа на елке* сама Алчевская признается, что “очень маленькие и мало-развитые дети не понимают этого рассказа и передают его бестолково и сбивчиво” (290).
- 47 См. *Список книг* (1902), где имя Достоевского отсутствует.
- 48 В 1905 г. произведения Достоевского были введены в министерские программы для гимназий и реальных училищ. Об этом см. Leibov, Vdovin (2019).

ЛИТЕРАТУРА

- Авсеенко, В.
1904 ‘Кружок беллетристов Нивы в 70-х годах’. *Нива*, 50, 1006-1007.
- Алчевская, Х. Д.
1881 ‘О некоторых отрывках из сочинений Ф. М. Достоевского’. *Библиографический листок. Труды комиссии при Учебном отделе Моск. общества распространения техн. знаний, по*

- составлению крит. каталога книг и статей для детского чтения. Выпуск 1. Москва, 45-49.
- 1884 *Что читать народу?* Т. 1. Санкт-Петербург.
- Андрианова, И. С.
2013а *Анна Достоевская: призвание и признания.* Петрозаводск.
2013б *Музей памяти Ф. М. Достоевского: история и перспективы проекта.* Петрозаводск.
- Ан-ский, С. А.
1894 *Очерки народной литературы.* Санкт-Петербург.
- Астафьев, П.
1898 'Читающая публика в провинции'. *Жизнь. Литературный, научный и политический журнал*, 18, 331-337.
- Банк, Б. В.
1969 *Изучение читателей в России (XIX век).* Москва.
- Белов, С. В.
2011 *Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844-2004 гг.* Санкт-Петербург.
- Библиографический листок*
1881 *Библиографический листок. Труды комиссии при Учебном отделе Моск. общества распространения техн. знаний, по составлению крит. каталога книг и статей для детского чтения.* Выпуск 1. Москва.
- Борисов, Л. И.
1967 *Родители, наставники, поэты... Книга в моей жизни.* Москва.
- Вдовин, А.; Лейбов, Р.
2013 *Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон.* Тарту.
- Веригин, А.
1898 *Русская реклама.* Санкт-Петербург.
- Волгин, И. Л.
1980 'Достоевский и правительственная политика в области просвещения 1881-1917'. *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 4. Ленинград, 192-205.
1982 *Достоевский-журналист (Дневник писателя и русская общественность).* Москва.
- Воспоминания и исследования*
2015 *Воспоминания и исследования о творчестве Ф. М. Достоевского.* Книга первая. Берлин-Москва.
- Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского*
1887 *Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет).* Под ред. В. Я. Стоюнина. Санкт-Петербург.
- Гроссман, Л. П.
1925 *Поэтика Достоевского.* Москва.

-
- Динерштейн, Е. А.
 1986 “Фабрикант” читателей А. Ф. Маркс. Москва.
 1998 А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. Москва.
 2003 Иван Дмитриевич Сытин и его дело. Москва.
- Достоевская, А. Г.
 2015 Солнце моей жизни – Федор Достоевский. Воспоминания 1846-1917. Москва.
- Достоевский, Ф. М.
 1972-1990 Полное собрание сочинений в 30 томах. Ленинград.
- Достоевский в неизданной переписке современников
 1973 Достоевский в неизданной переписке современников (1837-1881). Статья, публ. и комм. Л. Р. Ланского. Литературное наследство. Т. 86. Москва, 349-564.
- Дубин, Б.
 2006 ‘Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: о стратегиях легитимизации культурного авторитета’. Синий диван, 8.
- Дубин, Б.; Рейтблат, А.
 2003 ‘Государственная информация и массовая коммуникация’. Отечественные записки, 4 (13), 273-286.
- Захаров, В. Н.
 2010 ‘Бесы: опыт реконструкции журнальной редакции’. Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. IX. Петрозаводск, 673-706.
- Ивин, И.
 1993 ‘О народно-лубочной литературе. К вопросу о том, что читает народ’. Русское обозрение, 9.
- Каталог книг для бесплатных народных читален
 1896 Каталог книг для бесплатных народных читален. Издан по распоряжению Министерства Народного Просвещения. Санкт-Петербург.
- Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален
 1897 Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален. Издан по распоряжению Министерства Народного Просвещения. Издание 2-ое, дополненное. Санкт-Петербург.
- 1900 Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален. Издан по распоряжению Министерства Народного Просвещения. Издание 3-ье, дополненное Санкт-Петербург.
- Книга в России 1881-1895
 1997 Книга в России 1881-1895. Под ред. И. И. Фроловой. Санкт-Петербург.

Книга в России 1895-1917

- 2008 *Книга в России 1895-1917*. Под ред. И. И. Фроловой. Санкт-Петербург.
- Кузьмин, Н. В.
1966 *Круг царя Соломона*. Москва.
- Кузьмина, И. Л.
1971 'Петербург не видал ничего подобного'. *Достоевский и его время*. Ленинград, 305-307.
- Левин, К.
1903 'Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь'. *Мир божий*, 12, 103-123.
- Ледерле, М.
1895 *Мнения русских людей о лучших книгах для чтения*. Санкт-Петербург.
- Миллер, О. Ф.
1882 'Дети в сочинениях Ф. М. Достоевского'. *Женское образование*, 2, 107-122; 3, 190-206.
- Михайловский, Н. К.
1882 'Жестокий талант'. *Отечественные записки*, 9-10.
1883 'Новые книги'. *Отечественные записки*, 3.
- Немирович-Данченко, В. И.
2001 *На кладбищах. Воспоминания и впечатления*. Москва.
- Никифорова, Т.
2000 'Письма А. Г. Достоевской к С. А. Толстой'. *Мир филологии*. Москва, 290-306.
- Одесский, И. (Егурнов, И. К.)
1899 'Экспурсы в душевный мир учащихся. Психология юного читателя'. *Вестник воспитания*, 3, 41-68.
- 'Отрывок из романа'
1970 'Отрывок из романа Братья Карамазовы перед судом цензуры'. Публ. В. К. Лебедева. *Русская литература*, 2, 123-125.
- Перлина, Н.
1975 'Первая посмертная биография Ф. М. Достоевского – Анализ источников'. *Russian Language Journal*, 102, 42-56.
- Рейтблат, А. И.
2009 *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. Москва.
- Розанов, И. Н.
1925 'Книга и люди в XIX веке'. *Книга в России*, ч. 2. Москва, 441-475.
- Рубакин, Н. А.
1889 *Опыт программы для исследования литературы для народа*. Санкт-Петербург.
1895 *Этюды о русской читающей публике*. Санкт-Петербург.

-
- Русская историческая хрестоматия*
 1866 *Русская историческая хрестоматия (862-1850)*. Сост. К. Петров. Санкт-Петербург.
- Русская хрестоматия*
 1864 *Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших средних учебных заведений*. Сост. А. Филонов. Изд. второе, исправленное и дополненное. Эпическая поэзия. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Русским детям*
 1883 *Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского*. Под ред. О. Ф. Миллера. Санкт-Петербург.
- Сдобнов, В. В.
 1999 *Роман Ф. М. Достоевского Братья Карамазовы: текст и восприятие*. Тверь.
- Сборник рассказов*
 1863 *Сборник рассказов. В прозе и стихах*. Санкт-Петербург.
- Список книг*
 1902 *Список книг, разрешенных Министерством Народного Просвещения (с июля 1900 года по июль 1902 года) для публичных народных чтений, бесплатных библиотек читален, ученических и учительских библиотек низших и средних учебных заведений*. Тверь.
- Суворин, А. С.
 2000 *Дневник*. London; Москва.
- Тодд III, У. М.
 2002 ‘Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, этика’. *Новое Литературное Обозрение*, 6 (58), 15-43.
- Толстой, Л. Н.
 1928-1958 *Полное собрание сочинений в 90 томах*. Москва.
- Тюменев, И. Ф.
 1973 ‘Из дневника. Публикация Н. Н. Фоняковой’. *Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования*. Литературное наследство. Т. 86. Москва, 337-343.
- Федорова, Е. А.; Андрианова, И. С.
 2015 ‘Кто автор рассказа по мотивам романа Достоевского *Преступление и наказание*?’ *Неизвестный Достоевский*, 3, 43-60.
- Ф. М. Достоевский и его сочинения*
 1883 *Ф. М. Достоевский и его сочинения (Записки из Мертвого дома)*. Литературная детская библиотека (Всемирная хрестоматия). Т. 8. Москва, 5-256.
- Хеллман, Б.
 2016 *Сказка и быль. История русской детской литературы*. Москва.

 ‘Читательские автобиографии’

- 1999 ‘Читательские автобиографии учащихся воскресных курсов для рабочих’. *Книга и читатель 1900-1917. Воспоминания и дневники современников*. Сост. А. И. Рейтблат. Москва, 11-29.
- ЧМЫХОВ, Е. С.
1884 ‘Реклама и премия’. *Развлечение*, 49.
- Andrianova, I.
2016 ‘Aspiration for Independence. Anna Dostoevskaia’s Publishing Commerce’. *Canadian-American Slavic Studies*, 50 (3), 299-312.
- Bourdieu, P.
1989 ‘Social Space and Symbolic Power’. *Sociological Theory*, 7 (1), 14-25.
1996 *The Rules of Art. The Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford.
- Brooks, J.
1985 *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861-1917*. Princeton.
- Escarpit, R.
1966 *The Book Revolution*. London.
1971 *Sociology of Literature*. London.
- Leibov, R.; Vdovin, A.
2019 ‘What and How Russian Pupils Read in the State High Schools, 1840–1917’. *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Ed. by D. Rebecchini and R. Vassena. Milano.
- McKenzie, D.F.
1999 *Bibliography and the Sociology of Texts*. Cambridge.
- Vassena, R.
2007 *Reawakening National Identity. Dostoevsky’s Diary of a Writer and its Impact on Russian Society*. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien.

LITERATURE

Alchevskaia, Kh.D.

- 1881 ‘O nekotorykh otryvkakh iz sochinenii F.M. Dostoevskogo’. *Bibliograficheskii listok. Trudy komissii pri Uchebnom otdele Mosk. obshchestva rasprostraneniia tekhn. znaniia, po sostavleniiu krit. kataloga knig i statei dlia detskogo chteniia*. Vyp. 1. Moskva, 45-49.
- 1884 *Chto chitat’ narodu?* T. 1. Sankt-Peterburg.
- Andrianova, I.S.
2013a *Anna Dostoevskaia: prizvanie i priznaniia*. Petrozavodsk.

- 2013b *Muzei pamiati F.M. Dostoevskogo: istoriia i perspektivy proekta.* Petrozavodsk.
- An-skii, S.A.
1894 *Ocherki narodnoi literatury.* Sankt-Peterburg.
- Astaf'ev, P.
1898 ‘Chitaiushchaia publika v provintsii’. *Zhizn'. Literaturnyi, nauchnyi i politicheskii zhurnal*, 18, 331-337.
- Avseenko, V.
1904 ‘Kruzhok belletristov Nivy v 70-kh godakh’. *Niva*, 50, 1006-1007.
- Bank, B.V.
1969 *Izuchenie chitatelei v Rossii (XIX vek).* Moskva.
- Belov, S.V.
2011 *F.M. Dostoevskii. Ukazatel' proizvedenii F.M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844-2004.* Sankt-Peterburg.
- Bibliograficheskii listok*
1881 *Bibliograficheskii listok. Trudy komissii pri Uchebnom otdel Mosk. obshchestva raprostraneniia tekhn. znani, po sostavleniiu krit. kataloga knig i statei dlia detskogo chteniia.* Vyp. 1. Moskva.
- Borisov, L.I.
1967 *Roditeli, nastavniki, poety... Kniga v moei zhizni.* Moskva.
- Chitatel'skie avtobiografii*
1999 ‘Chitatel'skie avtobiografii uchashchikhsia voskresnykh kursov dlia rabochikh’. *Kniga i chitatel' 1900-1917. Vospominaniia i dnevniki sovremennikov.* Sost. A.I. Reitblat. Moskva, 11-29.
- Chmykhov, E.S.
1884 ‘Reklama i premiia’. *Razvlechenie*, 49.
- Dinershtein, E.A.
1986 ‘Fabrikant’ chitatelei A.F. Marks. Moskva.
1998 *A.S. Suvorin. Chelovek, sdelayshii kar'eru.* Moskva.
2003 *Ivan Dmitrievich Sytin i ego delo.* Moskva.
- Dostoevskaia, A.G.
2015 *Solntse moei zhizni – Fedor Dostoevskii. Vospominaniia 1846-1917.* Moskva.
- Dostoevskii, F.M.
1972-1990 *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh.* Leningrad.
- Dostoevskii v neizdannoii perepiske sovremennikov.*
1973 *Dostoevskii v neizdannoii perepiske sovremennikov (1837-1881).* Stat'ia, publ. i komm. L.P. Lanskogo. Literaturnoe nasledstvo. T. 86. Moskva, 349-564.
- Dubin, B.
2006 ‘Klassik – zvezda – modnoe imia – kul'tovaia figura: o strategiiakh legitimizatsii kul'turnogo avtoriteta’. *Sinii divan*, 8.
- Dubin, B.; Reitblat, A.
2003 ‘Gosudarstvennaia informatsiia i massovaia kommunikatsiia’. *Otechestvennye zapiski*, 4 (13), 273-286.

-
- Fedorova, E.A.; Andrianova, I.S.
 2015 'Kto avtor rasskaza po motivam romana Dostoevskogo Prestuplenie i nakazanie?'. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 3, 43-60.
- F.M. Dostoevskii i ego sochineniia*
 1883 *F.M. Dostoevskii i ego sochineniia (Zapiski iz Mertvogo doma)*. Literaturnaia detskaia biblioteka (Vsemirnaia khrestomatiia). T. 8. Moskva, 5-256.
- Grossman, L.P.
 1925 *Poetika Dostoevskogo*. Moskva.
- Hellman, B.
 2016 *Skazka i byl'. Istorii russkoi detskoj literatury*. Moskva.
- Ivin, I.
 1893 'O narodno-lubochnoi literature. K voprosu o tom, chto chitaet narod'. *Russkoe obozrenie*, 9.
- Katalog knig dlia besplatnykh narodnykh chitalen*
 1896 *Katalog knig dlia besplatnykh narodnykh chitalen*. Izdan po rasporyazheniiu Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia. Sankt-Peterburg.
- Katalog knig i periodicheskikh izdaniia dlia besplatnykh narodnykh chitalen*
 1897 *Katalog knig i periodicheskikh izdaniia dlia besplatnykh narodnykh chitalen*. Izdan po rasporyazheniiu Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia. Izdanie 2-oe, dopolnennoe. Sankt-Peterburg.
 1900 *Katalog knig i periodicheskikh izdaniia dlia besplatnykh narodnykh chitalen*. Izdan po rasporyazheniiu Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia. Izdanie 3-'e, dopolnennoe. Sankt-Peterburg.
- Kniga v Rossii 1881-1895*
 1997 *Kniga v Rossii 1881-1895*. Pod red. I.I. Frolovoi. Sankt-Peterburg.
- Kniga v Rossii 1895-1917*
 2008 *Kniga v Rossii 1895-1917*. Pod red. I.I. Frolovoi. Sankt-Peterburg.
- Kuz'min, N.V.
 1966 *Krug tsaria Solomona*. Moskva.
- Kuz'mina, I.L.
 1971 'Peterburg ne vidal nichego podobnogo'. *Dostoevskii i ego vremia*. Leningrad, 305-307.
- Levin, K.
 1903 'Chto chitaet i chem interesuetsia uchaschaisia molodezh'. *Mir bozhii*, 12, 103-123.
- Lederle, M.
 1895 *Mneniia russkikh liudei o luchshikh knigakh dlia chteniia*. Sankt-Peterburg.
- Miller, O.F.
 1882 'Deti v sochineniiakh F.M. Dostoevskogo'. *Zhenskoe obrazovanie*, 2, 107-122; 3, 190-206.
- Mikhailovskii, N.K.
 1882 'Zhestokii talant'. *Otechestvennye zapiski*, 9-10.

-
- 1883 ‘Novye knigi’. *Otechestvennye zapiski*, 3.
 Nemirovich-Danchenko, V.I.
- 2001 *Na kladbishchakh. Vospominaniia i vpechatleniia*. Moskva.
 Nikiforova, T.
- 2000 ‘Pis’ma A.G. Dostoevskoi k S.A. Tolstoi’. *Mir filologii*. Moskva, 290-306.
- Odesskii, I. (Egurnov, I.K.)
- 1899 ‘Ekskursii v dushevnyi mir uchashchikhsia. Psikhologiiia iunogo chitatelia’. *Vestnik vospitaniia*, 3, 41-68.
- ‘Otryvok iz romana’
- 1970 ‘Otryvok iz romana Brat’ia Karamazovy pered sudom tsenzury’. Publ. V.K. Lebedeva. *Russkaia literatura*, 2, 123-125.
- Perlina, N.
- 1975 ‘Pervaia posmertnaia biografiia F.M. Dostoevskogo – Analiz istochnikov’. *Russian Language Journal*, 102, 42-56.
- Reitblat, A.I.
- 2009 *Ot Bovy k Bal’montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury*. Moskva.
- Rozanov, I.N.
- 1925 ‘Kniga i liudi v XIX veke’. Ch. 2. *Kniga v Rossii*. Moskva, 441-475.
- Rubakin, N.A.
- 1889 *Opyt programmy dlia issledovaniia literatury dlia naroda*. Sankt-Peterburg.
- 1895 *Etiudy o russkoi chitaiushchei publike*. Sankt-Peterburg.
- Russkaia istoricheskaiia khrestomatiia*
- 1866 *Russkaia istoricheskaiia khrestomatiia (862-1850)*. Sost. K. Petrov. Sankt-Peterburg.
- Russkaia khrestomatiia*
- 1864 *Russkaia khrestomatiia, s primechaniiami. Dlia vysshikh srednikh uchebnykh zavedenii. T. 1. Epicheskaiia poeziia*. Sost. A. Filonov. Izd. Vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. Sankt-Peterburg.
- Russkim detiam*
- 1883 *Russkim detiam. Iz sochinenii F.M. Dostoevskogo*. Pod red. O.F. Millera. Sankt-Peterburg.
- Sbornik rasskazov*
- 1863 *Sbornik rasskazov. V proze i stikhakh*. Sankt-Peterburg.
- Sdobnov, V.V.
- 1999 *Roman F.M. Dostoevskogo Brat’ia Karamazovy: tekst i vospriiatie*. Tver’.
- Spisok knig*
- 1902 *Spisok knig, razreshennykh Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniia (s iul’ia 1900 goda po iul’ 1902 goda) dlia publitsichnykh narodnykh chtenii, besplatnykh bibliotek chitalen, uche-*

-
- nicheskikh i uchitel'skikh bibliotek nizshikh i srednikh uchebnykh zavedenii. Tver'.*
- Suvorin, A.S.
2000 *Dnevnik. London; Moskva.*
- Tiumenev, I.F.
1973 'Iz dnevnika. Publikatsiia N.N. Foniakovoi'. *F.M. Dostoevskii. Noveye materialy i issledovaniia. Literaturnoe nasledstvo. T. 86. Moskva, 337-343.*
- Todd III, W.M.
2002 'Dostoevskii kak professional'nyi pisatel': professiia, zaniatie, etika'. *Novoe Literaturnoe Obozrenie, 6 (58), 15-43.*
- Tolstoi, L.N.
1928-1958 *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh. Moskva.*
- Vdovin, A.; Leibov, R.
2013 *Khrestomatiinye teksty: russkaia pedagogicheskaia praktika XIX v. i poeticheskii kanon. Tartu.*
- Verigin, A.
1898 *Russkaia reklama. Sankt-Peterburg.*
- Volgin, I.L.
1980 'Dostoevskii i pravitel'stvennaia politika v oblasti prosveshcheniia 1881-1917'. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia. T. 4. Lenin-grad, 192-205.*
1982 *Dostoevskii-zhurnalist (Dnevnik pisatel'ia i russkaia obshchestvennost'). Moskva.*
- Vospominaniia i issledovaniia.*
2015 *Vospominaniia i issledovaniia o tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Kniga pervaiia. Berlin-Moskva.*
- Vybor iz sochinenii F.M. Dostoevskogo*
1887 *Vybor iz sochinenii F.M. Dostoevskogo dlia uchashchikhsia srednego vozrasta (ot 14-ti let). Pod red. V.Ia. Stoiunina. Sankt-Peterburg.*
- Zakharov, V.N.
2010 'Besy: opyt rekonstruktsii zhurnal'noi redaktsii'. *F.M. Dostoevskii, Polnoe sobranie sochinenii. T. IX. Petrozavodsk, 673-706.*